

4

Модернизационные (постмальтузианские) ловушки*

Л. Е. Гринин

В статье на основе анализа понятия «мальтузианская ловушка» и связанных с ней социально-демографических циклов и кризисов исследуются возможности выхода из нее. Показывается, что выход из мальтузианской ловушки возможен только в рамках промышленной и культурной модернизации общества, хотя предпосылки для такого выхода создаются еще до промышленного переворота. Важнейшая идея статьи состоит в том, что модернизация и выход из мальтузианской ловушки с очень большой вероятностью связаны с социально-политическими потрясениями. Эти кризисы и потрясения названы модернизационными ловушками, которые также можно обозначить и как постмальтузианские ловушки, поскольку на первых этапах модернизации огромную роль играют демографические факторы. Однако необходимо различать две связанные с мальтузианским фактором, но существенно различные типы ловушек. Первый – когда общество не в состоянии технологически разрешить мальтузианскую проблему. Второй – когда технологически она решается, но в процессе ее разрешения возникают сильные социально-экономические и демографические диспропорции, заводящие общество в ловушки нового типа – постмальтузианские, или модернизационные.

Ключевые слова: модернизация, мальтузианская ловушка, выход из мальтузианской ловушки, постмальтузианская ловушка, модернизационная ловушка, структурные диспропорции, социально-политические кризисы.

Предваряющие замечания. Цель настоящей статьи – показать, что: а) связь процессов выхода из мальтузианской ловушки и модернизации общества является неразрывной; в частности, стабильный выход из мальтузианской ловушки может осуществиться только в процессе или в результате модернизации общества, обычно связанной с ускоренным ростом урбанизации и несельскохозяйственного сектора; б) поскольку в период модернизации в обществе происходят сильные структурные изменения и из-за ускоренного развития возникают диспропорции, оно находится

* Работа выполнена по результатам исследований, проведенных при поддержке РГНФ (грант № 14-02-00330).

в неустойчивом положении, что ведет к опасности социально-политических кризисов; в) в процессе или в результате выхода из мальтузианской ловушки резко повышается опасность попадания общества в ловушку нового типа – модернизационные. Последние также можно назвать постмальтузианскими, поскольку они часто имеют структурно-демографическую составляющую. Дело в том, что рост производства продуктов питания и медицинской культуры уменьшает смертность и увеличивает темпы роста населения, а также долю в нем представителей молодежных возрастных когорт.

Можно выделить следующие типы модернизационных ловушек: урбанистскую, Марксову, молодежную. Последний тип особенно распространен в настоящее время и наиболее релевантен для прогнозирования рисков политической нестабильности в третьем мире. Отличия модернизационной ловушки от мальтузианской в следующем: рост ВВП на душу населения обгоняет рост населения; рост товарности обгоняет рост населения, что позволяет усилить процессы вовлечения населения в более активную жизнь; в целом уровень жизни поднимается, но может увеличиваться разрыв в доходах и качестве жизни.

1. Социально-демографические циклы в сложных аграрных обществах

Цикличность – один из важнейших способов реализации возможностей социальной эволюции. В традиционных обществах цикличность была особенно ярко выражена, что объясняется рядом причин (см.: Гринин, Коротаев, Цирель 2011: 4–5), в том числе и слабостью политических форм, особенно ранних государств (см., например: Claessen, Skalník 1978; 1981; Гринин 2010а; Гринин, Коротаев 2010; Grinin 2003; 2004; 2009; 2011), для которых характерны циклы децентрализации – централизации. Как в ранних, так и в более организованных развитых аграрных государствах (см.: Гринин 2010в; Grinin 2008) имели место также династийные и имперские циклы. Цикличности в некоторых ее формах могла способствовать жесткость ряда традиционных обществ, препятствующих изменениям. При этом за изменениями могли следовать реакция и формальный (а иногда и реальный) возврат к старым порядкам¹.

Другим, нередко еще более сильным фактором цикличности выступали социально-демографические ограничения (что во многом было связано именно с упомянутой выше слабой выраженностью трендовой составляющей), которые вели к цикличности в форме социально-демографи-

¹ Впрочем, циклы «революция – реакция» (с формальным, но не реальным возвратом к старым порядкам) были едва ли не в большей степени характерны для Нового времени (см. об этом: Гринин, Коротаев 2013). «Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо. Это – закон», – утверждал, например, Н. Бердяев (1990: 29).

ческих или политико-демографических циклов². В государстве раньше или позже возникало относительное перенаселение, которое вело к напряжениям и социально-демографическим кризисам. В результате последних численность населения заметно сокращалась. Затем вследствие того, что сократившееся население оказывалось лучше обеспечено землей и другими жизненно важными ресурсами, вновь начинался период демографического роста, а вместе с этим и новый демографический цикл. В целом этот источник цикличности был очень распространен, по крайней мере до второй половины XIX в. (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 1; см. также статью Ю. А. Гущиной и С. Ю. Малкова в настоящем альманахе).

Тем не менее важно отметить, что «вековые» социально-демографические циклы характерны не для любого аграрного общества³. В негосударственных аграрных обществах не удастся даже близко подойти к потолку емкости среды, поскольку этому препятствуют бесконечные межобщинные войны и набеги, кровная вражда, ограниченность размеров социальных единиц и невозможность произвести крупные хозяйственные улучшения, а также много других обстоятельств⁴. Циклы могут иметь место прежде всего в сложных и особенно в сверхсложных аграрных обществах⁵, где имеются уже достаточно эффективные государственные механизмы, поддерживающие социальный порядок. Только при таком порядке и внутреннем мире могут произойти значительный хозяйственный подъем и рост населения, приближающийся при данном технологическом уровне к потолку емкости экологической среды (см. подробнее: Гринин 2007a). И чем прочнее порядок и более эффективно государство, тем более вероятно возникновение таких циклов. Поэтому, согласно нашему представлению, «вековые» социально-демографические циклы в гораздо большей степени характерны для сверхсложных обществ, чем для сложных аграрных обществ⁶ (см. также: Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 1, прим. 5).

² В классическом виде, например в Китае, это были демографические циклы, теснейшим образом связанные с политическим (династийным) и социальным кризисом (см. об этом: Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 1).

³ Хотя бы потому, что в каких-то обществах или в отдельные длительные периоды (под действием таких факторов, как недонаселенность, благоприятные климатические флуктуации, освоение новых земель и т. д.) демографические ограничения не действовали.

⁴ Например, очень часто имеет место вызванное привычкой или страхом нежелание располагать поселения близко друг к другу (см., например: Салинз 1999), опасность набегов вынуждает не селиться в той или иной местности и выбирать для поселений только удобные для обороны места, отсутствие общей власти мешает распространению инноваций и т. п.

⁵ Первые политически оформлены типом раннего государства, а вторые – типом развитого государства (см., например: Гринин 2010a; Grinin 2011).

⁶ Многие сложные аграрные общества – по ряду причин, в том числе из-за слабости государственного устройства и раздробленности, которая вызывала постоянные войны, – часто были не в состоянии подойти к рубежу, за которым создавалась опасность возникновения

2. Аграрное общество и мальтузианская ловушка

Механизм, который лежит в основе социально-демографических «вековых» циклов, получил название мальтузианской ловушки.

Под мальтузианской ловушкой в отношении сложных и сверхсложных аграрно-ремесленных обществ следует понимать почти неизбежную опасность оказаться в ситуации тупика и социально-структурного кризиса вследствие перенаселения, которое становится возможным именно в результате быстрого и успешного развития. Ловушкой это явление можно назвать потому, что общество становится невольным заложником собственных успехов в развитии, и чем успешнее развитие, тем вероятнее попадание в ловушку (чем лучше условия для развития производства и жизни, тем быстрее растет население и заполняется экологическая ниша). **Общество попадает в подобную ловушку, поскольку в долгосрочной перспективе темпы роста общественного производства отстают от темпов демографического роста, в результате чего не происходит увеличения производства ВВП на душу населения и улучшения условий существования подавляющего большинства населения. Последнее остается на уровне, близком к уровню голодного выживания** (см., например: Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001; Гринин, Коротаев 2009а; Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009).

Это в общем-то *типичное для доиндустриальных обществ* явление было впервые замечено и проанализировано Т. Мальтусом (Malthus 1798 [1798]; Мальтус 1993 [1798]), а потому вполне оправданно носит название именно мальтузианской ловушки (*Malthusian trap*) (см., например: Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann *et al.* 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001; см. также статью Ю. А. Гущиной и С. Ю. Малкова в настоящем альманахе).

Схематично этот механизм работает следующим образом (подробнее см.: Гринин, Коротаев 2012: 128). Численность населения в условиях аграрного производства ограничивается потолком емкости экологической

демографических коллапсов из-за реального перенаселения (см.: Гринин 2007а). В других сложных аграрных обществах (ранних государствах) демографические циклы имели место, однако после своего завершения (и разрушения государства) уже не повторялись, поскольку эти политические образования не восстанавливались после распада. Классические же, то есть повторяющиеся, социально-демографические циклы характерны прежде всего для имперского Китая после достижения им уровня развитого государства (начиная с III в. до н. э.) и Европы в результате того, что некоторые европейские страны достигли уровня развитого государства. Некоторые древние государства, такие как Нововавилонское или Египетское, и государства Нового времени, такие как Османская империя, в которых обнаружены демографические циклы (см.: Нефедов 1999а; 1999б; 2003), также были развитыми государствами или их аналогами (см. подробнее: Гринин 2010а).

среды при данной технологии. Относительный рост потолка емкости среды может произойти в результате волны технологических инноваций (или социально-демографического коллапса, когда численность населения падает). Но это ведет лишь к временному улучшению условий жизни большинства населения. Такое улучшение приводит к снижению смертности, а поскольку рождаемость при этом остается на прежнем предельно высоком уровне либо даже увеличивается, это приводит к резкому ускорению темпов демографического роста. Так как в доиндустриальных обществах эти темпы в долгосрочной перспективе, как правило, оказывались значительно более высокими, чем темпы технологического роста (а значит, и темпы роста производства продуктов питания), производство продуктов питания достаточно быстро (за период порядка ста лет) возвращается к низкому уровню, нередко на грани голодного выживания. Соответственно демографическое давление усиливалось, уровень жизни имел тенденцию к падению, социально-политическая обстановка ухудшалась, и в условиях нестабильности (длительных неурожаев, войн, восстаний, эпидемий и т. п.) все более реальной становилась социально-демографическая катастрофа. А в результате последней численность населения существенно уменьшалась.

3. Выход из мальтузианской ловушки: условия и длительность

В доиндустриальный период попытки *сверхсложных доиндустриальных обществ преодолеть ресурсные ограничения среды приводили к попаданию этих обществ в мальтузианскую ловушку*: стимулированный определенными условиями рост населения в итоге вел к тому, что на каком-то этапе государство оказывалось уже неспособным обеспечить ни адекватный рост производства, ни поддержание необходимых социальных условий для этого (см. пример цинского Китая в: Гринин, Коротаев 2012: 129–134; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010)⁷. Но мальтузианская ловушка связана не только с неспособностью общества технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства таким образом, чтобы она устойчиво росла быстрее населения. Важно также отсутствие устойчивой системы такого международного разделения труда, при котором ряд государств мог бы сосредоточиться на производстве промышленной продукции, ввозя недостающее продовольствие. Именно такая специализация и помогает обеспечить

⁷ Тем не менее потолок емкости среды постепенно поднимался за счет технологических и социальных инноваций, в результате чего численность населения мира росла. А в Китае этот потолок вырос с 50–60 млн человек в эпоху Хань до более чем 410 млн в XIX в. в эпоху династии Цин (Илюшечкин 1986: 207; см. также: Дикарев 1991: 71–72; Крюков и др. 1987: 63; Хохлов 1972: 30).

более быстрый рост ВВП по сравнению с ростом населения в рамках Мир-Системы⁸.

Следовательно, выход из мальтузианской ловушки может состояться только в случае, когда темпы роста производства продуктов питания либо темпы роста ВВП устойчиво превышают темпы роста населения. Но в последнем случае нужна стабильная возможность ввозить продовольствие.

Как было показано в предыдущей главе, чтобы процесс выхода из мальтузианской ловушки начался, необходимы рост товарности общества и возможность стабильно реализовывать излишки продовольствия из мест, где производится его избыток, в места, где имеется его нехватка, а также достаточно высокие цены на сельскохозяйственную продукцию, которые стимулировали бы рост инвестиций в ее производство. Такие условия, как мы показывали ранее (Гринин, Коротаев, Малков 2008, Гринин и др. 2009, Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 1), первоначально сложились в некоторых странах Северо-Западной Европы, особенно в Англии и Голландии во второй половине XVI в. Там имели место: а) возникновение капиталистической фермерской системы; б) формирование модели постоянного расширенного товарного производства на основе рационализации хозяйства и максимизации прибыли (см.: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009).

В итоге выход из мальтузианской ловушки начался в Англии еще до промышленного переворота (Там же). Но завершается он уже в условиях индустриальной модернизации (роста фабричной промышленности, урбанизации, образования, развития средств коммуникации, товарности, технологического прогресса в самых разных сферах, что влечет за собой, кстати, и новый виток в модернизации сельского хозяйства)⁹. Таким образом, в рамках истории мир-системного центра выход занял длительную эпоху, растянувшись во времени на три века: со второй половины XVI до середины XIX в., по крайней мере, до отмены хлебных законов в Англии в 1847 г.¹⁰ Во второй половине XIX в. сложилось столь развитое международное разделение труда, когда те или иные общества могли специализи-

⁸ Однако существующее в относительно локальном масштабе такое международное разделение труда обуславливало само существование ряда городских обществ древности и Средневековья, например Афин и других греческих полисов или Новгорода.

⁹ Очевидно, что модернизация (особенно направленная на военное усиление) может происходить и до индустриализации, то есть до промышленного переворота (такова была, например, модернизация эпохи Петра I). Тем не менее и такая модернизация связана с развитием промышленности (мануфактурной). Но в настоящей статье мы рассматриваем случай модернизации до промышленного переворота только в отношении стран, начавших ее сравнительно самостоятельно. Об этапах модернизации см., например: Black 1966.

¹⁰ Многие же периферийные области Мир-Системы не завершили своего выхода из мальтузианской ловушки вплоть до настоящего времени (а в некоторых из них этот процесс и вообще находится на самых начальных стадиях).

роваться на производстве непищевой продукции, восполняя импортом недостающий объем продовольствия, что из мальтузианской ловушки стало выходить все больше стран. Окончательно выход из мальтузианской ловушки в Европе произошел в связи с начавшимся – впервые в мире – в 1870–1890-е гг. мировым аграрным кризисом, выразившимся в длительном падении или стагнации цен, и ярко демонстрировал изменение ситуации в Мир-Системе (см.: Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 1; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2010a).

4. Процессы и типы модернизации. Причины роста социального напряжения

Таким образом, прочный выход из мальтузианской ловушки связан с модернизацией общества. Неудивительно, что некоторые человеческие общества, особенно в Тропической Африке, не вполне вышли из нее даже к настоящему времени (см., например: Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Кобзева 2011; Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Малков 2011).

Хотя понятие модернизации многозначно, а потому точное его определение вызывает споры (см.: Побережников 2006; см. также: Нефедов 2007; Гринин 2011; Травин, Маргания 2004), тем не менее в целом смысл этого понятия более или менее очевиден (анализ различных трактовок см.: Побережников 2006; см. также: Нефедов 2007). В настоящей статье *модернизация рассматривается главным образом как процесс перехода того или иного общества (и Мир-Системы в целом) от архаического (сверхсложного аграрно-ремесленного) общества к индустриальному (в современный период – уже к индустриально-информационному)*¹¹. Этот процесс связан с ускоренным развитием общества и обычно включает в себя в комплексе:

- развитие товарного сектора и денежного обращения;
- развитие промышленности¹²;
- урбанизационный переход (от обществ с абсолютным преобладанием сельского населения к обществам с абсолютным преобладанием населения городского);

¹¹ В связи с мощным влиянием мировых процессов модернизация в последние десятилетия захватила, с одной стороны, и многие развивающиеся страны, не достигшие уровня сверхсложных аграрных обществ, а с другой – из-за международного разделения труда индустриализация в них могла быть изменена или заменена иными, аналогичными экономическими процессами, а также частично процессами, характерными уже для постиндустриальных обществ.

¹² Следует иметь в виду, что первый этап промышленной революции начался в некоторых странах Европы в последней трети XV–XVI вв. Промышленный же переворот XVIII–XIX вв. необходимо рассматривать как второй этап промышленной революции (см. подробнее: Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2009a; Grinin 2007a; 2007b; 2012).

- модернизацию сельского хозяйства («зеленая революция» – механизация, химизация, внедрение достижений биологической науки, включая сортовые семена, научно выведенные породы скота и т. п.);
- развитие системы современного массового образования;
- становление современной системы здравоохранения;
- существенные изменения в демографической модели развития = демографическая модернизация (так называемые первая и вторая фазы демографического перехода)¹³;
- переход к экономической модели расширенного воспроизводства, которая тесно связана с экономическими циклами развития нового типа (об этой связи и о цикличности экономики см.: Гринин, Коротаев 2010; см. также: Коротаев, Цирель 2010а; 2010б; Korotayev, Tsirel 2010) и т. п.;
- для целей нашего исследования крайне важно подчеркнуть, что модернизация тесно связана с выходом из мальтузианской ловушки, хотя, к сожалению, этот аспект модернизации редко упоминается и недостаточно исследуется;
- в конечном итоге модернизация требует очень существенных политико-правовых и политико-социальных изменений (то есть политическую модернизацию, представляющую собой прежде всего переход от развитой к зрелой государственности), которым, однако, очень часто сопротивляется политическая элита. И это является одной из важнейших причин модернизационных кризисов (см. ниже).

Процессы модернизации охватывают достаточно длительную эпоху и в каждом обществе имеют свои значительные особенности (см., например: Бергер 1994); тем не менее можно выделить несколько типов модернизации: *естественно-историческая, догоняющая, насильственная* (типологию моделей развития см.: Гринин 2006; 2007б; Гринин, Коротаев 2009а).

Модернизация идет естественно-историческим путем только в обществах, которые первыми в истории осуществляют эти процессы. В этом случае процессы модернизации растягиваются во времени. Однако в подобных обществах-первопроходцах отсутствует необходимый исторический опыт решения новых проблем (данный опыт как раз и накапливается за счет их проб и ошибок). Вот почему даже в ситуациях не сжатого во времени развития еще до начала промышленного переворота сильное из-

¹³ Достаточно типичным для этого процесса является первая фаза так называемого демографического перехода, которую иногда также называют демографической революцией (быстрый, иногда взрывной рост населения, который связан с уменьшением смертности при одновременном сохранении на какое-то достаточно длительное время высокой рождаемости). Вторая фаза демографического перехода характеризуется падением рождаемости до низких, иногда нулевых или даже отрицательных значений естественного прироста населения (см.: Гринин, Коротаев 2012; см. также: Коротаев, Малков, Халтурина 2005; 2007; Коротаев, Халтурина 2009).

менение структуры общества, в частности рост урбанизации и грамотности, может вести к значительным деформациям, большому напряжению сил общества и социальным конфликтам. Именно в таких обществах происходили так называемые ранние буржуазные революции как результат их попадания в модернизационные ловушки. Поскольку в некоторых таких прединдустриальных обществах уже имелся относительно высокий уровень урбанизации, ниже такой тип модернизационной ловушки обозначен как *урбанистский*.

Но гораздо чаще модернизация общества связывается с догоняющим развитием, ускоренной индустриализацией или интенсивным втягиванием в международное разделение труда. При этом происходит заимствование многих уже готовых технологий в производстве и социальной сфере. В этих случаях процессы изменений, с одной стороны, ускоряются, а с другой – многие необходимые реформы не осуществляются. В результате в обществе возникают сильные диспропорции, так как модернизация охватывает прежде всего технологию и экономику, но привилегии, система распределения, архаичная политическая и социальная структуры могут меняться гораздо медленнее.

Иногда бывает и насильственная (навязанная извне) модернизация либо (чаще) таким образом совершаются отдельные ее этапы. Примерами могут служить Египет в период английской оккупации (1882–1919 гг.), Япония при американской оккупации (после 1945 г.), Индия в поздний период английского господства и др. Для целей настоящего исследования полезно отметить, что при насильственной модернизации общество нередко оказывается менее подверженным опасности социального взрыва либо возрастает шанс минимизировать социальные потери. Это объясняется, во-первых, тем, что иноземные реформаторы за счет собственного исторического опыта могут иметь лучшее представление о закономерностях социального развития, а во-вторых, тем, что социальному недовольству определенных слоев в процессе изменений противостоят не колеблющиеся верхи, а уверенные в себе внешние силы. Данный вывод имеет вполне конкретное значение в отношении некоторых находящихся в процессе выхода из мальтузианской ловушки развивающихся стран (относящихся к так называемому нижнему миллиарду, то есть населению самых бедных стран), для которых определенный внешний контроль со стороны международных органов мог бы быть благотворным в плане менее болезненного и более безопасного выхода из мальтузианской ловушки.

5. Выход из мальтузианской ловушки. Причины роста социального напряжения и рисков для общества

Отмечено, что процессы модернизации обычно идут сложно и достаточно часто сопровождаются потрясениями и революциями (обзор анализа взглядов на революции см.: Гринин, Коротаев, Малков 2010б; Гринин,

Коротаев 2013). Причины и механизмы возрастания такой напряженности, как видно из вышеизложенного, заключаются в сложных структурных перестройках, связанных с крупными качественными и количественными изменениями, которые происходят в исторически короткие сроки. В частности, на изменение пропорций в модернизирующемся обществе значительно влияет рост населения, темпы которого возрастают в разы, а иногда и на порядок, при этом одновременно сильно изменяется соотношение сельского и городского населения¹⁴. Отметим также, что за счет гораздо большей мобильности общества и более высокой скорости распространения информации возможности агитации против правительства, а также объединения протестующих и возмущенных значительно возрастают. Причем широкое распространение новых средств связи, с помощью которых легче и быстрее собрать и организовать на акции недовольных, при данных социальных условиях может стать детонатором для социальных взрывов.

Одной из причин, создающих реальные механизмы возрастания напряженности в условиях модернизации, является расширенное промышленное производство, которое ведет к цикличности развития экономики. Цикличность и формирует один из главных механизмов возникновения социальной нестабильности в модернизирующемся обществе. Механизм этот следующий. Напомним, что экономический среднесрочный цикл (цикл Жюгляра) характерен в своем классическом виде сначала быстрым и достаточно мощным подъемом, который связан с напряжением всех ресурсов общества и ростом цен (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009б; Гринин, Коротаев 2012: раздел 1, гл. 3; 2014). На практике это в частности означает, что в периоды подъема экономика остро нуждается в рабочей силе, численность рабочих и заработная плата растут, а с ними растут

и ожидания. Но затем мощный подъем сменяется острым кризисом и спадом. Соответственно положение наемных работников ухудшается. Однако в быстро модернизирующихся обществах, где довольно много природных и демографических ресурсов, экономические кризисы в отдельных среднесрочных циклах могут проходить сравнительно мягко, а затем развитие вновь характеризуется сильным экономическим подъемом. Это ведет к тому, что фактически энергичный экономический рост может длиться с небольшими перерывами довольно долго, иногда два-три и даже более десятилетий подряд (так было, например, в России в 1870–1880-е гг.,

¹⁴ Но также влияют, иногда не менее значимо, следующие факторы: рост объемов прибавочного продукта, изменение структуры производства и потребления, изменение социальной структуры, рост монетизации, грамотности, мобильности, политической свободы и т. п. О механизмах возникновения напряженности в модернизирующихся обществах см.: Гринин 2010б; Гринин, Коротаев 2009б; 2012; Гринин, Коротаев, Малков 2010а; Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Малков 2011; Коротаев и др. 2010; 2011).

а особенно в 1890-е гг.; похожие процессы шли и в Японии с 1890-х гг. вплоть до 1930 г.). В результате формируется определенный стереотип ожиданий и/или убежденность, что борьбой можно и необходимо добиваться улучшения условий. Но раньше или позже один из циклических кризисов оказывается столь сильным, что напряжение в обществе становится опасным. В сочетании с другими социальными и политическими напряжениями и кризисами (аграрным перенаселением, неурожаями, национальными движениями, внешнеполитическими поражениями и т. п.) это вполне может перерасти в революцию¹⁵. Но даже и сам по себе сильный экономический кризис в условиях уже сложившихся революционных настроений может вызвать опасную нестабильность и социально-политический взрыв, что мы наблюдаем сегодня, например в арабском мире и на Украине.

Отметим и такой момент. Чаще всего модернизирующиеся общества – это общества авторитарные (либо недемократические, либо недостаточно демократические, в которых не сложились устойчивые демократические институты). Авторитарные общества – общества с жесткой конструкцией. Поэтому они и подвержены революционной ломке, тогда как по-настоящему демократические общества, в которых выход социального недовольства может канализироваться в законные формы, революций не знают. Так, в 1848 г. в Европе и континентальной Англии был подъем социальной активности. Но в Англии дело обошлось мирными формами (чартизм), а в Европе произошли революции. На наш взгляд, наибольшую опасность социально-политических потрясений создают ситуации, когда происходит частичная (но неинституционализованный и непоследовательная) демократизация (либо авторитарный сдвиг в рамках демократической системы)¹⁶, при которых начинается «перетягивание каната» между авторитарными и радикальными силами; а также ситуация, когда влиятельные радикальные силы, по природе своей и убеждениям недемократические, используют демократические свободы и выборы для захвата власти (см.: Гринин, Коротаев 2013). Однако подобные социально-политические потрясения могут привести в такой ситуации и к становлению последовательно демократического режима.

6. Мальтузианская ловушка и выход из нее в условиях модернизации

Аграрное общество и мальтузианская ловушка. Как следует из определения мальтузианской ловушки (см. выше), она предполагает ситуацию,

¹⁵ Например, революции 1848 г. в Европе, хотя были вызваны многими причинами, вовсе не случайно произошли после сильных неурожаяв и голода 1845–1846 гг., а также экономического кризиса 1847 г.

¹⁶ Отметим, что к близким выводам в своем исследовании пришли Дж. Голдстоун и его коллеги (Goldstone *et al.* 2000).

когда общество не может технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства таким образом, чтобы она постоянно росла быстрее, чем население.

В доиндустриальный период даже сверхсложные аграрные общества, как правило, не могли преодолеть ограничений, поставленных демографической емкостью среды. Но в тех случаях, когда высокий уровень развития государства позволял сохранять внутренний мир в течение целого ряда поколений, а государство или иные институты общества стимулировали развитие технологии, численность населения достигала очень высоких для данной эпохи значений¹⁷. Однако в итоге система оказывалась в весьма неустойчивом положении. При ослаблении государственного строя, обострении социальной борьбы, внешнем поражении или неоднократных неурожаях возникали кризисы, которые могли перерасти в социально-демографическую катастрофу. В результате голод, эпидемии и войны приводили к значительному сокращению численности населения. Таким образом, попытки *сверхсложных доиндустриальных обществ преодолеть указанные ограничения блокировались нахождением этих обществ в мальтузианской ловушке*: стимулированный определенными условиями рост населения в итоге вел к тому, что государство на каком-то этапе оказывалось уже неспособным обеспечить ни адекватный рост производства, ни поддержание необходимых социальных условий для этого. Притом чем бóльших успехов в обеспечении условий для роста населения достигало общество, тем сильнее могло быть его уменьшение в результате социально-демографической катастрофы. Тем не менее потолок емкости среды за счет технологических и социальных инноваций постепенно поднимался.

Выход из мальтузианской ловушки – повышенный риск для общества. Выход из мальтузианской ловушки для отдельной страны даже в условиях уже имеющихся хозяйственных и социальных технологий бывает медленным (занимая порой многие десятки лет), хотя иногда может произойти и быстрее (за два-три десятилетия). Но в целом, как было показано выше, в рамках истории Мир-Системы первичный выход занял длительную эпоху, растянувшись во времени на три века. Фактически реальный выход из мальтузианской ловушки может произойти только в условиях индустриальной модернизации (роста фабричной промышленности, урбанизации, образования, внедрения в сельское хозяйство достижений

¹⁷ Вновь повторим, что мы говорим здесь именно о сверхсложных аграрных обществах (политически оформленных типом развитого государства [см.: Гринин 2011]), потому что сложные аграрные общества – по многим причинам, в том числе из-за слабости государственного устройства и раздробленности, которая вызывала постоянные войны, – часто были не в состоянии даже подойти к рубежу, за которым создавалась опасность возникновения демографических коллапсов из-за реального перенаселения (см.: Гринин 2007а).

научно-технического прогресса, развития средств коммуникации, товарности).

Выход из мальтузианской ловушки является важным рубежом для общества. Он влечет за собой большие качественные и количественные изменения в демографической ситуации (быстрый рост населения за счет сокращения смертности и стремительный рост урбанизации), а также в общем уровне развития, производстве, потреблении и потенциях. Выход из мальтузианской ловушки реально означает, что общество в целом (в среднем) начинает жить лучше. Однако в процессе изменений возникают следующие диспропорции: 1) неравномерное распределение доходов между отдельными социальными группами и регионами (причем в некоторых слоях, группах или регионах может наблюдаться и реальное недопотребление); 2) неравномерное распределение ресурсов и населения в рамках общества (например, в среднем сельскохозяйственной земли [на фоне успешной модернизации сельского хозяйства и связанного с этим стремительного роста урожайности] может хватать, но в отдельных местностях из-за быстрого роста населения малоземелье и аграрное перенаселение могут быть очень острыми); 3) диспропорции в возрастной структуре населения (см. ниже); 4) деструктивное давление устаревших, но влиятельных институтов (вроде русской общины), идеологий и т. п. на рост и структуру населения, отношение к власти и т. п.; 5) неадекватная реакция власти на рост объемов ресурсов, в частности увлечение внешнеполитическими авантюрами; 6) рост грамотности и уровня образования создает влиятельный слой интеллигенции, которая пытается идеологически влиять на все общество; 7) ускоренный рост ожиданий со стороны различных слоев населения, который часто не оправдывается.

Таким образом, быстрые нерегулируемые изменения и усиливающиеся структурные диспропорции могут завести общество в новую – *модернизационную* – ловушку, что, как уже было сказано, часто ведет к революциям и другим политическим потрясениям. Тем не менее в некоторых случаях быстрая модернизация может сопровождаться стремительным ростом населения, но не вести к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи или Египет в последней трети XIX – первой половине XX в.¹⁸).

Демографические составляющие модернизационных кризисов. Сравнение мальтузианской и модернизационной (постмальтузианской) ловушек. Поскольку в процессе модернизации закономерно наблюдается взрывообразное ускорение роста населения, социальные кризисы этой стадии имеют более или менее сильную структурно-демогра-

¹⁸ О Египте этого периода см. подробнее: Гринин, Коротаев 2012: 212.

фическую составляющую. Однако необходимо четко отличать две в чем-то похожие, но качественно различные модели, связанные с демографическим давлением. Первая (характерна для доиндустриальных обществ) – когда общество не в состоянии технологически разрешить мальтузианскую проблему; вторая (характерна для модернизирующихся обществ) – когда технологически она решается, но в процессе ее разрешения возникают серьезные социально-экономические диспропорции. Между моделями мальтузианской и модернизационной (*постмальтузианской*) ловушек, несомненно, имеется как сходство (в обоих случаях налицо быстрый рост населения, что создает сильное демографическое давление и как следствие – структурные напряжения), так и существенное различие. Соответственно в первом случае сельское хозяйство остается основным сектором, во втором – его роль постепенно уменьшается, а избыточное население может быть поглощено промышленностью и сектором производства услуг.

Таким образом, хотя в большинстве модернизационных ловушек можно обнаружить очень значимую составляющую демографического давления, однако эту составляющую уже неправомерно называть мальтузианской, а следует считать *квазимальтузианской*, поскольку в рамках этой ловушки уже не выполняется основное «правило» Мальтуса, согласно которому население всегда растет быстрее, чем производство продуктов питания (в более широком плане быстрее, чем растет ВВП). Напротив, как мы видели, темпы роста ВВП (и в целом продуктов питания тоже) на душу населения обгоняют темпы роста населения.

Важно отметить, что модернизационные ловушки все же не всегда связаны с проблемами мощного демографического давления и быстрым ростом населения. В этом плане интересен пример Франции в XIX в., где население росло сравнительно медленно. За 100 лет оно увеличилось всего примерно в полтора раза: с 26,9 млн человек до 40,7 млн (Armengaud 1976: 29). Но это не помешало тому, что во Франции в течение XIX в. произошло несколько революций. Кстати отметим, прежде всего городских. Демографическое давление может иметь место, но смягчаться за счет эмиграции (примером могут служить, в частности, Скандинавские страны или Италия) и даже прямой смертности от голода, примером чему служит Ирландия, население которой за XIX в. даже уменьшилось с 5 млн до 4,4 млн человек, что было, впрочем, связано и с отставанием этой страны в модернизационных процессах (Там же).

В некоторых случаях модернизация может проходить и в условиях реальной недонаселенности, особенно это касается колонизируемых стран. Примерами являются США, Канада, Австралия, ряд стран Латинской Америки, в частности Аргентина. Но при этом в демократических странах революционные изменения гораздо менее вероятны, чем в недемократических или формально демократических. Поэтому в США вспыхнула гражданская

война (но именно как результат социальной недемократичности Юга, его жесткой конструкции), а в Латинской Америке перевороты и революции были частым явлением. В Канаде же, Австралии и Новой Зеландии вообще не было никаких серьезных социально-политических потрясений.

7. Типы модернизационных ловушек

Поскольку выход из мальтузианской ловушки в мир-системном ядре занял в целом более трех веков (со второй половины XVI по XIX в. включительно), неудивительно, что мы видим эволюцию самой ловушки. Основные типы модернизационных ловушек в процессе выхода из мальтузианской ловушки представлены на Рис. 1.

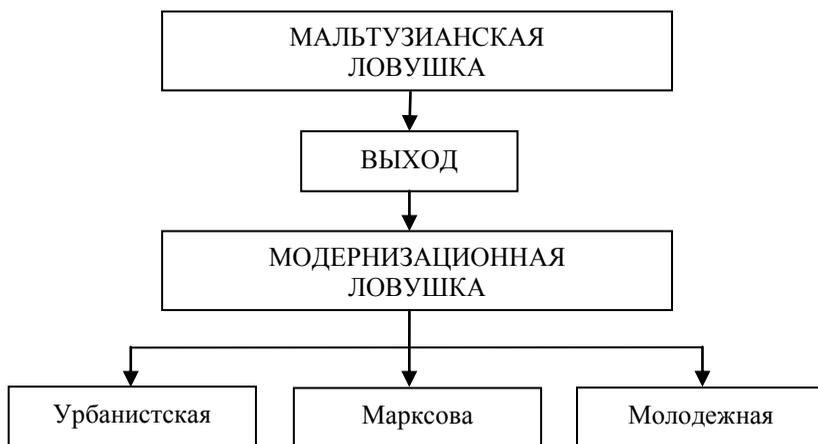


Рис. 1. Основные типы модернизационных ловушек

Урбанистская ловушка. Сначала мальтузианская ловушка может эволюционировать в то, что можно назвать **урбанистской ловушкой**. Речь идет прежде всего уже о предындустриальных обществах с относительно высоким уровнем урбанизации и сложившейся буржуазией. В таких обществах еще нет машинной промышленности, однако уже существуют различные формы раннекапиталистических торговых и промышленных предприятий (это можно видеть на примере Англии XVI в.). Но главное – уровень урбанизации приблизился к определенному порогу, за которым совершенно необходимы существенные преобразования общества. В то же время политическая элита не осознает этого, а часть горожан, буржуазия и интеллигенция выступают как передовой отряд общественной оппозиции. Наши исследования показывают, что в модернизирующихся обществах наибольшая напряженность возникает при уровне урбанизации от

10 до 20–30 % (см.: Гринин, Коротаев 2012: раздел 3, гл. 1; см. также: Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2009б).

Англия перед революцией 1640 г. представляла собой один из первых таких примеров, другим примером является Франция кануна Великой французской революции. Но в Англии в отличие от Франции были достигнуты большие успехи собственно в сельском хозяйстве, что, возможно, было одной из причин относительной инертности крестьянства в период революции. В любом случае, с учетом того, что революционеры стремятся превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер и создать новый общенациональный орган власти (или повысить его значимость), урбанистская ловушка означает переход от городских восстаний и крестьянских войн к социальным революциям.

Марксова ловушка. В период до начала промышленного переворота и в самые первые его этапы происходит переход от мальтузианской ловушки к Марксовой. Переходный тип можно называть **мальтузианско-марксовой ловушкой** (анализ этого типа ловушки на примере дореволюционной России см.: Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 3). Но по мере хода капиталистической индустриализации и нарастания классовой борьбы мальтузианско-марксова ловушка превращалась в типично Марксову ловушку (см.: Гринин 2010б; 2010а). Ее демографическая составляющая обеспечивает относительно дешевую рабочую силу, а Марксова составляющая связана с высоким уровнем эксплуатации. С одной стороны, в индустриализирующихся обществах имеется очень значительное относительно избыточное аграрное население, что создает сильное демографическое давление¹⁹. Но с другой, – как уже сказано, в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения является не фатальной, а главным образом социальной, поскольку: а) рост ВВП на душу населения обгоняет рост населения; б) рост товарности в целом обгоняет рост населения, в результате чего урбанизация растет более быстрыми темпами, чем население в целом, а усилия и капиталы направляются в наиболее доходные отрасли, что ведет к новому росту ВВП; в) уровень жизни все большего числа людей зависит не от количества земли, а от их денежных доходов, что позволяет усилить процессы социальной мобильности, диверсификации занятий населения, его вовлечения в более активную жизнь; в целом поднимается уровень жизни.

Таким образом, структурно-демографическая составляющая выступает здесь уже не в прямом мальтузианском виде как ситуация буквального физиологического голодания и балансирования на уровне голодной нор-

¹⁹ Оно может усугубляться особенностями системы крестьянского хозяйствования, с одной стороны, провоцирующими и без того высокий рост рождаемости и усиление малоземелья (и соответственно высокую арендную и низкую заработную плату), а с другой – препятствующими инновациям.

мы (что и вообще в истории встречается не столь часто, как может представляться), а как поставщик социально взрывоопасного материала в виде недовольных масс пролетариата и горожан²⁰. Предприниматели черпают рабочую силу из кажущегося бездонным резерва рабочих рук, а демографическое давление постоянно «выбрасывает» в города и на промыслы все новых работников.

Но напомним, что, как сказано выше, попадание в Марксову ловушку возможно и без сильного демографического давления (Франция XIX в.).

Марксова составляющая связана с диспропорцией в распределении выгод от быстрого экономического роста и с отсутствием социального законодательства, что делает работников порой беспомощными, а эксплуатацию – нередко варварской²¹. Словом, быстрая динамика развития экономики и изменений в социальной жизни требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и прочем, а поскольку эти изменения могут существенно запаздывать, возникают диспропорции, которые выступают как наиболее общая причина революции.

Более конкретным механизмом является следующее: поскольку большинство вновь прибывших работников не обладает квалификацией, возникает диспропорция между спросом на квалифицированную рабочую силу и чрезмерным предложением неквалифицированной рабочей силы, и как следствие – большой разрыв в доходах рабочих разных групп. В период экономического подъема хозяева часто готовы идти на повышение зарплаты, однако в ситуации экономических кризисов потребность в рабочих, особенно малоквалифицированных, значительно уменьшается и опасность социального взрыва нарастает. Усилить проблему могут временные (но трагические) эпизоды недородов и даже голода.

Марксова ловушка могла быть преодолена в результате: а) социального реформирования; б) завершения индустриализации; в) завершения демографической революции (сокращения рождаемости); г) процессов демократизации (но с учетом опасности, о которой сказано выше)²².

Молодежная ловушка всегда связана с социально-демографическими факторами и всегда является результатом модернизации. В результате модернизации рост производства пищи и медицинской культуры

²⁰ Сказанное подтверждается и давно замеченным отличием в степени революционности жителей городов и деревень (см., например: Сорокин 1992 [1925]: 287; Гринин 2010б).

²¹ Это *полуэкономический* тип отчуждения, отличающийся как от внеэкономического, типичного для аграрных обществ, так и от экономического, характерного для позднего капитализма и постиндустриального общества (Гринин 2006).

²² Для таких стран, какой была дореволюционная Россия, важным моментом выступает развитие института частной собственности на землю, которая способствует более интенсивному использованию земли и большей товарности.

уменьшает смертность населения и резко увеличивает долю в нем молодых возрастов (15–24 лет), то есть возникает так называемый *молодежный бугор*, который наглядно виден на диаграммах, показывающих долю молодежи в общем составе населения (см. Рис. 2). Такое изменение пропорции в условиях модернизации создает условия для социально-политической нестабильности. По словам Дж. Голдстоуна, большинство революций XX в. в развивающихся странах произошли там, где наблюдались особо значительные «молодежные бугры» (Goldstone 1991; 2002: 11–12).

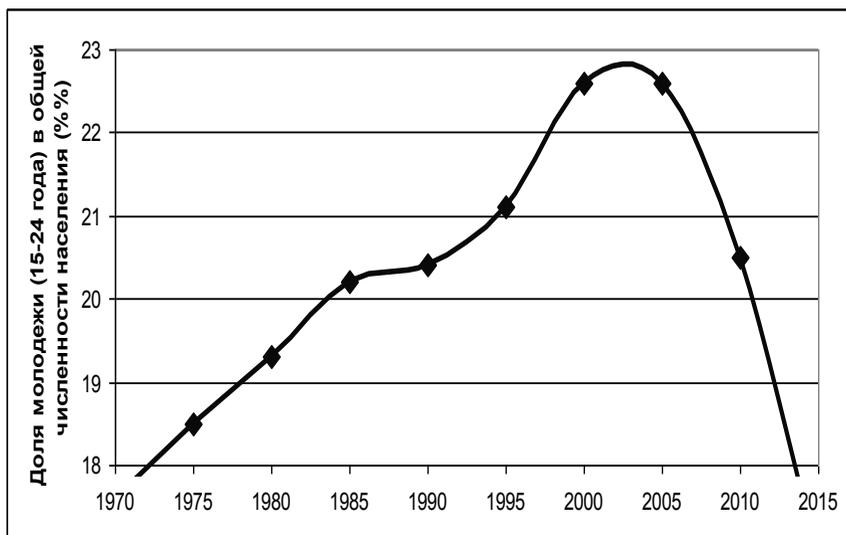


Рис. 2. Динамика доли молодежи (15–24 года) в общей численности населения Алжира в 1970–2005 гг. с прогнозом до 2015 г., %

Источник: UN Population Division 2011.

Таким образом, именно молодежь (особенно на современном этапе) играет ключевую роль в процессе возникновения длительного периода нестабильности в обществе в процессе модернизации и выхода из мальтузианской ловушки. Поэтому данный тип модернизационной ловушки можно назвать **молодежной**.

Молодежная ловушка характерна для первого этапа демографического перехода (в том числе она может сработать на его завершающемся отрезке или начале второго его этапа). Она возникает за счет значительного

снижения младенческой и детской смертности при сохранении высокой рождаемости (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 5; см. также: Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Малков 2011). Результаты того, что в предшествующий период за счет уменьшения детской смертности число выживших детей значительно увеличилось, через 15–25 лет скажутся в значительно повышенной доле молодых возрастов в составе населения. В итоге поколение взрослых детей оказывается значительно многочисленнее поколения их родителей²³. Действие данной ловушки при этом усиливается процессами быстрой урбанизации (см. об этом: Гринин, Коротаев, Малков 2010а; Гринин, Коротаев 2009б).

«Молодежные бугры» в прошлые столетия наблюдались в истории многих модернизирующихся стран. Однако в современную эпоху в связи с большими успехами медицины младенческая и детская смертность упала до невиданно низкого уровня, но в ряде современных развивающихся стран уровень потребления стал существенно выше, чем был в предшествующие периоды даже в среднеразвитых странах. Поэтому и доля молодежи (а соответственно, и размер «молодежного бугра») сегодня при прочих равных условиях выше, чем в прежние эпохи. Соответственно и опасность попадания в молодежную ловушку в современный период для ряда развивающихся стран в чем-то даже возросла по сравнению с предшествующим периодом²⁴. Сегодня политологи нередко даже говорят о странах с молодежной возрастной структурой населения («молодежным бугром») как о «дуге нестабильности», простирающейся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки (особенно южнее Сахары), Ближнего Востока и северных регионов Южной Азии (Национальный разведывательный совет США 2009: 59). И такой прогноз, к сожалению, подтвердился

в отношении Туниса, Ливии, Египта, Сирии, Йемена и других арабских стран в 2010–2013 гг.

Рентная составляющая модернизационных кризисов может иметь значение в случае, если какие-то природные ресурсы позволяют обществу

²³ К этому времени рождаемость уже может существенно снизиться (начнется второй этап демографического перехода), но давление «молодежного бугра» от этого не исчезнет, хотя ситуация, в которой сами молодые люди будут иметь намного меньше детей, чем их родители, при прочих равных условиях существенно уменьшает их материальные трудности. Таким образом, наибольшее давление «молодежного бугра» в такой ситуации будет иметь место именно в период, пока большая часть подростковой молодежи не обзаведется семьями.

²⁴ Но одновременно за счет большего исторического опыта и помощи международного сообщества эта опасность также уменьшается.

длительное время получать высокие доходы без особого труда, а правительству дают возможность решать социальные проблемы и обеспечивать экономическое развитие²⁵. Естественно, уровень ожиданий в обществе значительно повышается. И если затем доходы общества (и соответственно правительства) неожиданно снижаются в результате падения цен или по иным причинам, создается ситуация обманутых ожиданий. Возникают экономические трудности (рост цен на продукты питания, безработица и т. п.), нестабильность и вероятность серьезных социальных волнений, особенно опасная при наличии «молодежного бугра»²⁶. В этом смысле механизм срабатывания молодежной ловушки различается в более бедных странах и в странах, имеющих доходы от природной ренты. В обществах с рентой, с одной стороны, за счет дополнительных доходов при прочих равных условиях темп модернизации, уровень потребления и особенно уровень ожиданий молодежи может быть существенно выше, чем в бедных (без ренты) странах. Но соответственно и резкое падение доходов от ренты может создать более сильную (и более быструю) кризисную ситуацию. При этом молодежь, которая может пострадать особенно сильно (или воспринимать свое положение особенно болезненно), оказывается ударной силой социальной нестабильности (о завышенных ожиданиях общества, приводящих к социальным взрывам, см.: Гринин 2012).

Яркий пример такой **«молодежно-рентной»** ловушки представляет собой Алжир 1970–1990-х гг. В течение 1970-х гг. в результате общего снижения смертности (особенно младенческой), а также роста производства продуктов питания и уровня потребления (до 2900 ккал на душу населения в день) в этой стране наблюдался быстрый рост молодежи (который продолжался и позже, в 1990-х гг., а уже в 2000-х гг. началось уменьшение этой доли; см. Рис. 2–4, а также другие рисунки в: Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 4; о ситуации в Алжире см. также в статье А. В. Коротаева и С. Ю. Малкова в настоящем ежегоднике).

²⁵ Это явление по сути своей достаточно хорошо известно под именем «ресурсной ловушки» или «ресурсного проклятия» (см., например: Auty 1993).

²⁶ Такое относительное ухудшение положения сказалось на социальном порядке даже в богатых Бахрейне (разумеется, здесь мы оставляем без внимания межконфессиональные проблемы суннитов и шиитов) и Омане.

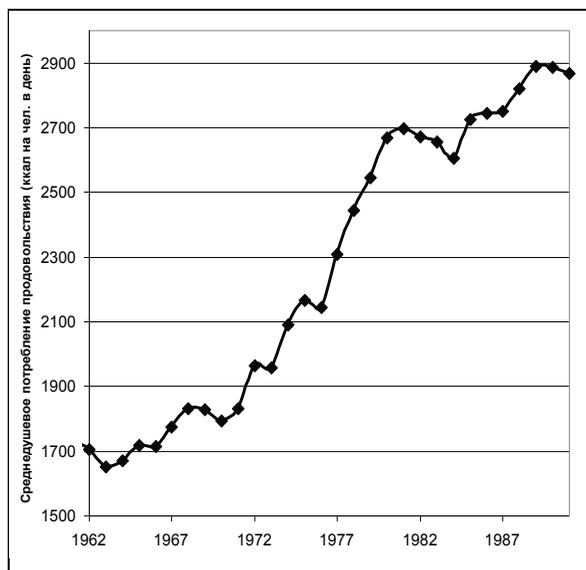


Рис. 3. Динамика среднедушевого потребления продовольствия в Алжире в 1962–1991 гг., ккал на чел. в день

Источники: Гринин, Коротаев 2012: 231.

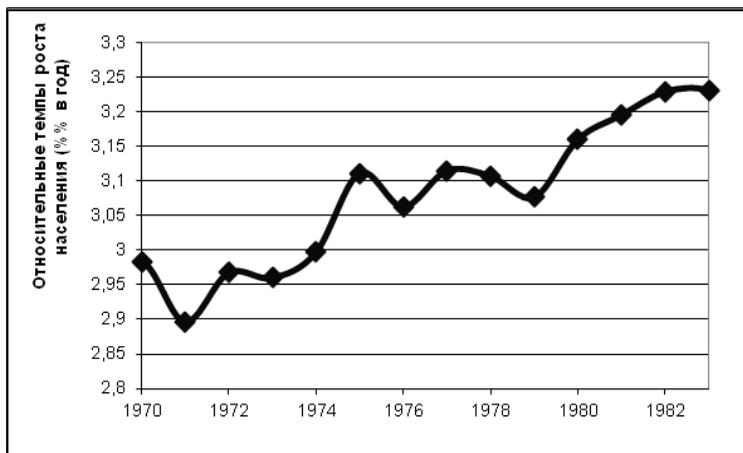


Рис. 4. Динамика относительных темпов роста населения Алжира в 1970–1983 гг., % в год

Источники: Гринин, Коротаев 2012: 235.

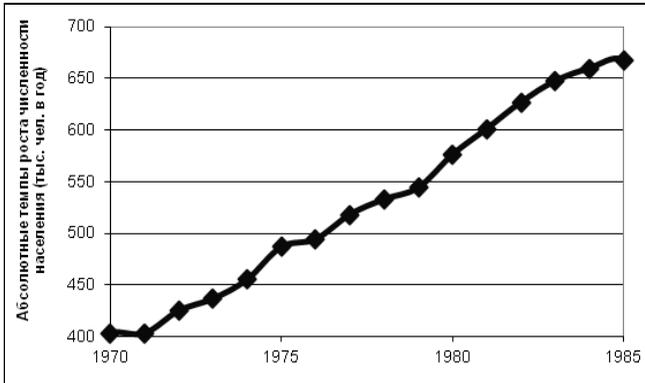


Рис. 5. Динамика абсолютных темпов роста численности населения Алжира в 1970–1991 гг., тыс. чел. в год

Источники: Гринин, Коротаев 2012: 235.

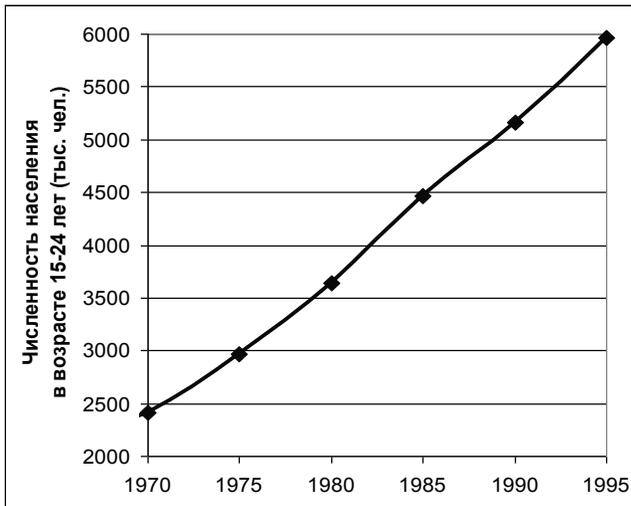


Рис. 6. Динамика общей численности молодежи (15–24 года) в Алжире в 1970–1995 гг., тыс. чел.

Источник: UN Population Division 2011.

В течение этих же 1970-х гг. в связи с многократным ростом цен на нефть Алжирское государство прочно «село» на «нефтяную иглу». Как указывает Ж. Кепель, углеводородное сырье составляло 95 % выручки от всего экспорта и обеспечивало 60 % бюджетных поступлений, в итоге алжир-

ское государство представляло собой своего рода народную нефтедемократию, поскольку доходы от нефти позволяли монополизировавшему их режиму покупать социальный мир (Кепель 2004: 164–166). Однако начиная с 1980 г. цены на нефть стали снижаться. В 1982–1986 гг. произошло двукратное или более падение цен на нефть (см. Рис. 7)²⁷. В итоге в октябре 1988 г. в результате роста цен на продукты первой необходимости и безработицы в Алжире вспыхнули народные (прежде всего молодежные) волнения, сопровождавшиеся погромами общественных организаций, шикарных магазинов и автомобилей (см.: Кепель 2004: 164–166; см. подробнее об этих событиях в: Гринин, Коротаев 2012: раздел 2, гл. 4). Таким образом, социальная нестабильность оказывается наглядно связанной с кривой цены на нефть²⁸.



Рис. 7. Динамика мировых цен на нефть (в долларах за баррель), 1978–1998 гг.

Примечание. За 1970–1973 гг. указаны официальные цены на легкую саудовскую нефть, за 1974–1985 гг. – средние закупочные цены американских нефтеочистительных заводов на импортированную сырую нефть, за 1986–1998 гг. – среднегодовые цены на нефть сорта WTI на центральном нефтехранилище в Кушинге (шт. Оклахома, США).

Источники: база данных организации *Earth Policy Institute* (Washington, DC, 2010). URL: www.earth-policy.org/datacenter/xls/update67_5.xls (цены на нефть за 1970–2006 гг.); World Development Indicators Online (Washington, DC: World Bank, 2010), URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (данные по инфляции в США).

²⁷ По данным Ж. Кепеля, цена упала с 34 до 8 долларов за баррель, по другим данным – с 33,7 до 15,1 доллар за баррель (см.: Брагинский 2008: 28; см. также Рис. 7). Но надо учитывать, что в течение одного и того же года цена могла существенно колебаться.

²⁸ Существенный рост цен на продукты первой необходимости стал важнейшей причиной роста социального недовольства в арабских странах в последнее время.

В конечном счете социальная нестабильность в Алжире вылилась в 10-летнюю гражданскую войну. При этом затухание гражданской войны в 2000 г. и ее окончание в 2002 г. совпало с периодом нового роста цен на нефть (см. Рис. 8).



Рис. 8. Динамика мировых цен на нефть (в долларах за баррель), 1993–2006 гг.

Источники: база данных организации *Earth Policy Institute* (Washington, DC, 2010). URL: www.earth-policy.org/datacenter/xls/update67_5.xls (цены на нефть за 1970–2006 гг.); база данных *U. S. Energy Information Administration*. URL: http://www.eia.doe.gov/dnav/pet/pet_pri_spt_s1_a.htm (цены на нефть за 2007–2010 гг.); *World Development Indicators Online* (Washington, DC: World Bank, 2010). URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (данные по инфляции в США).

Итоги

Неизбежное в долгосрочной перспективе отставание темпов роста населения в сверхсложных аграрных обществах означало, что эти общества не могли вырваться из мальтузианской ловушки. В результате возникали относительное перенаселение, увеличение числа бедных людей и снижение уровня потребления порой до уровня физиологического голодания, что вело к социальному напряжению, ослаблению государства и кризису. При определенных обстоятельствах это могло стать спусковым механизмом социально-демографической катастрофы, которая означала завершение социально-демографического цикла. После восстановления политического и социального порядка мог начаться новый цикл, но, как правило, уже на несколько более высоком технологическом и социальном уровне. Однако вплоть до XVI–XVII вв., то есть до начала процесса модернизации

ции, все попытки вырваться из мальтузианской ловушки оказывались безрезультатными.

Тем не менее процессы модернизации вместе с выходом из мальтузианской ловушки создают повышенную опасность социальных потрясений, включая революции и гражданские войны. Возникновение такой ситуации нестабильности было названо нами модернизационной ловушкой. Общая причина попадания в такие ловушки связана с ускоренным развитием общества, быстрым ростом населения и производства, изменением социально-демографической структуры, а также идеологии. Все это создает сильные диспропорции, разного рода напряжения и повышенный уровень ожиданий в обществе. *Механизмы срабатывания модернизационной ловушки могут быть разными, но все они связаны с возникновением того или иного кризиса именно в условиях предшествующего ему более или менее длительного подъема и роста.* Важно, что демографическая составляющая является в большинстве случаев одной из главных, а иногда и ведущей причиной попадания в модернизационную ловушку. В то же время необходимо отличать модернизационную ловушку с сильной структурно-демографической компонентой от мальтузианской ловушки, характерной для сверхсложных аграрных обществ.

Существуют различные модели модернизационных ловушек: урбанистская, Марксова, молодежная (однако в каждой из них присутствуют разные составляющие, то есть совершенно чистые типы в реальности не наблюдаются). В современных условиях для многих развивающихся стран велика опасность сочетания молодежной и урбанистской ловушек, что может быть использовано для прогнозирования рисков политической нестабильности в этих странах, а также для разработки рекомендаций по их предотвращению (см., например: Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Малков 2011; Коротаев, Божевольнов, Гринин, Зинькина, Кобзева 2011).

В заключение следует добавить: современные события показали, что даже миновав в прошлом одну модернизационную ловушку, общество может попасть в следующую, как это, к сожалению, недавно произошло с Египтом, где, несмотря на значительные усилия, революции избежать все же не удалось. Правда, события в Египте – и не случайно, а благодаря большому историческому опыту этого государства и народа – пока не приняли столь драматического характера, как в Ливии и Сирии.

Библиография

- Бергер П. 1994.** *Капиталистическая революция.* М.: Прогресс.
Бердяев Н. 1990. *Философия неравенства.* М.: ИМА-Пресс.

- Брагинский О. Б. 2008.** Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику. *Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д. И. Менделеева)* ЛП(6): 25–36.
- Гринин Л. Е. 2006.** *Производительные силы и исторический процесс.* 3-е изд. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007а.** Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы определения общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 219–246. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007б.** Проблемы анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. *Философия истории: проблемы и перспективы* / Ред. Ю. И. Семенов, И. А. Гобозов, Л. Е. Гринин, с. 148–247. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010а.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010б.** Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 198–224. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2010в.** Теория, методология и философия истории: Очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекции 2, 4, 5. *Философия и общество* 1: 167–203; 2: 174–192; 3: 162–175.
- Гринин Л. Е. 2011.** Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–356. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 188–223. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009а.** *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009б.** Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Полис* 4: 34–52.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010.** *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек* / Отв. ред. С. Ю. Малков. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013.** Демократия и революция. *История и современность* 2: 15–35.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014.** Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюгляровских циклов). *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 15–73. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008.** Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 78–117. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010а.** Введение. Русские революции в столетней ретроспективе. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 5–24. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010б.** Заключение. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 368–427. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009.** Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 134–210. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Дикарев А. Д. 1991.** Некоторые проблемы роста и учета населения в эпоху Цин. *Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время* / Ред. Г. Д. Сухарчук, с. 61–78. М.: Наука.
- Илющечкин В. П. 1986.** *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа)*. М.: Наука.
- Кепель Ж. 2004.** *Джихад. Экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Кобзева С. В. 2011.** К прогнозированию рисков политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 357–379. М.: ЛИБРОКОМ.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты,*

- прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–164. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю. 2010.** Ловушка на выходе из ловушки? К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, с. 159–226. 3-е изд. М.: ЛКИ.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 45–88. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010а.** Кондратьевские волны в мировой экономической динамике. *Системный мониторинг глобального и регионального развития* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 189–229. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010б.** Кондратьевские волны в мир-системной экономической динамике. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 5–69. М.: ЛКИ/URSS.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. 1987.** *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени.* М.: Наука.
- Мальтус Т. 1993 [1798].** *Опыт о законе народонаселения. Шедевры мировой экономической мысли.* Т. 4. Петрозаводск: Петроком.
- Национальный разведывательный совет США. 2009.** *Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США.* М.: Европа.
- Нефедов С. А. 1999а.** *О демографических циклах в истории Древнего Египта.* Рукопись (#54931), депонированная в ИНИОН РАН. М. URL: <http://www.hist1.narod.ru/Science/Egypt/Egypt.html>.

- Нефедов С. А. 1999б. *О демографических циклах в истории Вавилонии*. Рукопись (#54930), депонированная в ИНИОН РАН. М. URL: <http://www.hist1.narod.ru/Science/Babilon/Vavilon.html>.
- Нефедов С. А. 2003. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. *Восток* 3: 5–22.
- Нефедов С. А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: УГТУ.
- Побережников И. В. 2006. *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.: РОССПЭН.
- Салинз М. Д. 1999. *Экономика каменного века*. М.: ОГИ.
- Сорокин П. А. 1992 [1925]. Социология революции. В: Сорокин П. А., *Человек. Цивилизация. Общество*, с. 266–294. М.: Политиздат.
- Травин Д., Маргания О. 2004. *Европейская модернизация*. М.: АСТ.
- Хохлов А. Н. 1972. Феодалная Цинская империя в XVII–XVIII вв. *Новая история Китая* / Ред. Л. Тихвинский, с. 13–100. М.: Наука; Главная ред. вост. лит-ры.
- Armengaud A. 1976. Population in Europe 1700–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 22–76. London: Harvester.
- Artzrouni M., Komlos J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41(3–4): 21–39.
- Auty R. M. 1993. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London: Routledge.
- Black C. E. 1966. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper & Row.
- Claessen H. J. M., Skalník P. (Eds.) 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalník P. (Eds.) 1981. *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–22.
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Epstein D. L., Kahl C. H., Surko P. T., Ulfelder J. C., Unger Jr., Unger A. N. 2000. *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC). URL: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/stfail/>.
- Grinin L. 2003. The Early State and Its Analogues. *Social Evolution & History* 1: 131–176.
- Grinin L. 2004. The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 88–136. Volgograd: Uchitel.

- Grinin L. E. 2007a.** Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-Mathematical Approach. *Social Evolution & History* 6(2): 11–55.
- Grinin L. E. 2007b.** Production Revolutions and the Periodization of History. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 77(2): 150–156.
- Grinin L. E. 2008.** *Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence.* *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution & History* 8(1): 92–132.
- Grinin L. E. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society.* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. E. 2012.** *Macrohistory and Globalization.* Volgograd: Uchitel.
- Komlos J., Artzrouni M. 1990.** Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.
- Korotayev A., Tsirel S. 2010.** A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis. *Structure and Dynamics* 4(1): 3–57. URL: <http://www.escholarship.org/uc/item/9jv108xp>.
- Kögel T., Prskawetz A. 2001.** Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.
- Malthus T. 1978 [1798].** *Population: The First Essay.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Steinmann G., Komlos J. 1988.** Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. *Mathematical Social Sciences* 16: 49–63.
- Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998.** A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.
- UN Population Division. 2011.** *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database.* URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- Wood J. W. 1998.** A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.